

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Научная статья / Research article

Афганские события весны-лета 2021 г. и обновление региональной безопасности

А. А. Князев

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия

e-mail: alexander.a.knyazev@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются причинно-следственные связи событий в Афганистане весной-летом 2021 г. в проекции на сферу региональной безопасности Центральной Азии. Новая ситуация в ИРА, связанная с военным наступлением движения «Талибан»¹ и противоречивостью возникшего политического режима, создает необходимость пересмотра характера угроз, традиционно рассматривавшихся с афганского направления. Рассматриваются реакции стран Центральной Азии на афганские события, соотношение внешних и внутренних угроз безопасности региона, также констатируется, что в политике региональных стран отсутствует какая-либо координация, отсутствуют тенденции к кооперации в сфере безопасности. В заключение делается ряд выводов, в частности, о сохранении роли России как единственного гаранта безопасности всех Центральной Азии, о необходимости уже в краткосрочной перспективе пересмотра своей афганской политики центральноазиатскими странами с учетом превращения движения «Талибан» в реальную политическую силу в Афганистане.

Ключевые слова: Афганистан, Центральная Азия, региональная безопасность, Узбекистан, Таджикистан, Туркмения, терроризм.

Для цитирования: Князев А.А. Афганские события весны-лета 2021 г. и обновленная региональная безопасность. Постсоветские исследования. 2021;4(6):456–469.

Afghan Spring-Summer 2021 events and renewal of regional security

Alexander Al. Knyazev

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

e-mail: alexander.a.knyazev@gmail.com

Abstract. The article examines the cause-and-effect relationships of the events in Afghanistan in the spring-summer of 2021 in terms of the regional security in Central Asia. The new situation in the IRA, associated with the military offensive of the Taliban movement and the inconsistency of the emerging political regime, creates the need to revise the nature of the threats traditionally considered from the Afghan direction. The reactions of the Central Asian countries to the Afghan events, the ratio of external and internal threats to the security of the region are considered, it is also stated that there is no coordination in the policy of the regional countries, there are no tendencies for cooperation in the field of security. In conclusion, a number of conclusions are drawn, in particular, on the preservation of the role of Russia as the only guarantor of the security of all Central Asia, on the need for the Central Asian countries to reconsider their Afghan policy in the short term, taking into account the transformation of the Taliban movement into a real political force in Afghanistan.

Keywords: Afghanistan, Central Asia, regional security.

For citation: Knyazev A.Al. Afghan Spring-Summer 2021 events and renewal of regional security. Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2021;4(6): 456–469. (In Russ.)

¹ Организация запрещена в РФ.

Обзор литературы. Проблемы влияния военно-политического конфликта на безопасность Центральной Азии исследуются в работах большого числа авторов применительно к периоду до начала 2010-х гг. Отдельно нужно выделить исследования советского периода, остающиеся актуальными по отдельным аспектам и к рассматриваемому в данной статье времени. Это, прежде всего, работы М.Ф. Слинкина [Слинкин 1995], В.В. Басова [Басова 2011], В.Н. Спольникова [Спольников 1990], И.Е. Каткова [Катков, 1989]. Среди российских авторов более позднего периода можно назвать В.Г. Коргуна [Коргун 1986, 1999, 2002, 2004], В.Н. Пластуна [Пластун 2002], Р.Р. Сикоева [Сикоев 2004], Ю.В. Босина [Босин 2000], А.А. Князева [Князев 2003, 2004, 2008]. Значительно шире — и в основном применительно к постсоветскому времени — данная тематика представлена в работах исследователей Казахстана, Таджикистана, Узбекистана. Это работы С.М. Акимбекова [Акимбеков, 2003], К. Искандарова [Искандаров 1996, 1999], Е. Абдуллаева [Абдуллаев 1997], Р. Абдуллоева [Абдуллоев 2013] и др.

В 1990-х гг. общее представление об угрозах афганского происхождения дифференцировалось на три составляющие [Князев 2004: 6, 236, 250]. Во-первых, это производство и распространение наркотиков, наркотрафик. Во-вторых, незаконная или слабоконтролируемая миграция, афганские беженцы. И, в-третьих, взаимодействие между оппозиционными действующим правительствам стран Центральной Азии радикальными религиозными группировками, включая и незаконные вооруженные формирования, с теми или иными афганскими военно-политическими силами непосредственно в Афганистане. Под «афганским происхождением» в данной статье понимается использование территории Афганистана для формирования источников угроз безопасности. Вопросы безопасности не рассматриваются в широком понимании этой дефиниции, рамки статьи сужены до рассмотрения проблем безопасности в военной и взаимосвязанных с нею сферах, включая, прежде всего, во-

просы, связанные с трансграничным распространением экстремизма и терроризма, наркопроизводства и наркотрафика.

К настоящему времени можно утверждать об актуальности двух компонентов из вышеназванных: это, по-прежнему производство и распространение наркотиков, и это процессы, связанные с деятельностью экстремистских и террористических групп, использующих территорию Афганистана для своих целей в силу затянувшейся на десятилетия неспособности афганского правительства контролировать собственную территорию. Обострение военно-политической ситуации весной-летом 2021 года дало определенные импульсы к миграции населения внутри Афганистана, единичные случаи перехода границ с Таджикистаном и Узбекистаном афганскими военнослужащими нельзя считать началом массовой эмиграции населения, тем более что в странах региона (в первую очередь — в Узбекистане и Туркмении) официально занята позиция недопущения афганских граждан на свои территории.

Этнополитический фактор

Отдельный фактор, содержащий и содержащий в себе определенный дестабилизирующий потенциал и в значительной мере формирующий угрозы в сфере безопасности, связан с наличием в этнополитической структуре Афганистана этнических общностей и диаспор, родственных государствообразующим этносам стран Центральной Азии. На протяжении всего времени после прихода к власти «Талибана» в 1996 г., основной дискурс в изучении сферы региональной безопасности был сосредоточен на явлении терроризма и сопутствующего религиозного радикализма. В то же время, этнополитический баланс афганского общества, начавший формироваться на рубеже XIX-XX вв., так и не завершен, и эта незавершенность самого процесса этнополитической идентификации и консолидации синхронизируется с переходом от традиционной позднефеодальной к модернистской раннекапиталистической формации. Не являясь единственно доминирующим противоречием в развитии афганского общества, этнический фактор, в то же время, играл и играет чрезвычайно важную

роль, он содержит в себе очень высокую конфликтогенность, особенно в случаях и в периоды общеполитических кризисов.

Необходимо принять за аксиому, что Афганистан к началу 1990-х гг. представлял собой зону диффузии нескольких цивилизационных типов — традиционного, раннемоdernистского, а также элементов индустриального общества, что влекло за собой резкое снижение роли традиционных лидеров. Даже джихад против советских войск был, в определенной мере, борьбой за власть между лидерами родоплеменных союзов, т. е. конфликтом преимущественно традиционного общества. Внедрение новых, идеологических и политических компонентов подорвало основу традиционного общественно-политического устройства Афганистана. С одной стороны, новый импульс получил процесс консолидации тех, кто прежде относился к этническим меньшинствам. С другой стороны, процесс разложения традиционного общественного строя и появление новых форм групповой идентификации и интеграции спровоцировал мощное противодействие, воплощением которого и стало движение «Талибан».

Этноцентричная идеологическая доктрина «Талибана», наряду с религиозно радикальным концептом, является одним из главных внутренних оснований продолжающегося конфликта, являясь и важным препятствием всех попыток урегулирования. В условиях продолжающегося внутреннего конфликта в среде этнических меньшинств Афганистана иногда возникают условия для поддержки радикальных оппозиционных группировок из стран Центральной Азии среди афганских туркмен, узбеков, таджиков. Это было одной из основ поддержки на севере Афганистана для Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) в Таджикистане в 1990-х гг., для Исламского движения Узбекистана (ИДУ), в 2010-х гг. — такую поддержку получали подпольные радикальные группы в Марыйском вилайете Туркмении со стороны туркменских общин северо-западных афганских провинций. Но примеров того, как этническое единство, наряду с религиозной солидарностью, являлось бы де-

стабилизирующим началом на центрально-азиатском направлении, очень мало и их нельзя рассматривать как системные.

Фактор наркотрафика

К 1990-м гг. в мире окончательно утверждается тенденция, согласно которой районы незаконного производства и транзита наркотических веществ совпадают с зонами конфликтов низкой и средней интенсивности. При этом производители наркотиков становятся прямо заинтересованы в поддержании и продлении режима нестабильности в этих регионах. Нелегальное распространение наркотиков наряду с торговлей оружием и международной коррупцией уже устойчиво является важнейшим фактором криминализации международных отношений, а перманентно кризисная ситуация в Афганистане является едва ли не наиболее ярким примером этой тенденции [Князев 2003: 7, 92-93]. Эти процессы в настоящее время устойчиво действуют, в частности — в странах Центральной Азии, не показывая признаков к сокращению и в значительной степени снижая через коррупционные механизмы эффективность всех страновых, региональных и международных структур, работающих в сфере безопасности Афганистана и стран центральноазиатского региона [Князев 2008: 277-279].

В период после 2002 г., в период присутствия в Афганистане военных контингентов США и НАТО, ситуация в военно-политической сфере и в сфере производства и трафика наркотиков только ухудшалась. Разные страны, участвующие в натовской миссии, придерживались своих собственных отдельных стратегических и тактических подходов и зачастую даже не обменивались между собой разведывательной информацией. Отдельные страновые подразделения НАТО устанавливали отдельные связи с местными полевыми командирами для завоевания их лояльности, и никаким образом не препятствуя деятельности, связанной с наркотиками. Существуют и свидетельства того, что эти схемы в ряде случаев были связаны с содействием наркотрафику, например, путем использования транспортных возможностей военных ISAF (интервью автора с представителями афганских силовых структур в апреле 2002 г., в августе 2003 г., в августе 2005 г., а

также с представителями «Талибана» (фракция «Шура Кветты») в Пешаваре в сентябре 2007 г. и ноябре 2014 г..).

К 2001 г. можно констатировать также, что основной коррупционный контроль над производством и распространением наркотиков осуществляется представителями самых разных военно-политических группировок, а также государственных (в первую очередь силовых) структур. Распространенное мнение о почти полной монополии контроля над этой сферой движением «Талибан» не имеет под собой доказательной базы.

События весны-лета 2021 года в Афганистане

Под событиями весны-лета 2021 г. понимается наступление военных отрядов движения «Талибан» на большей части территории страны, поводом к которому послужили сначала нарушение американской стороной достигнутых договоренностей о выводе войск США (вместо 1 мая — 11 сентября 2021 г.), а затем быстрый вывод войск США и НАТО. Хроника военных действий при этом показывает как высокий уровень стратегирования со стороны талибов, так и высокую боеспособность их подразделений. Одновременно талибами учитываются и все возможные недостатки, и слабые стороны правительственных сил безопасности, среди которых — слабая мотивация военнослужащих, низкий уровень боевой подготовки большей части сил безопасности, отсутствие общей стратегии и ситуативное реагирование на наступление «Талибана». Важным фактором этого наступления является мотивационный: это общее недовольство правительством президента А. Гани, это готовность значительной части населения принять режим «Талибана», это выжидательная позиция многих локальных лидеров и групп их поддержки, и другое. Эта мотивация объясняет, например, очень частую сдачу территорий правительственными силами без боя, довольно массовый переход военнослужащих на сторону талибов, пассивность танзимов/лашкаров многих пуштунских регионов и партий этнических меньшинств. Последние проявляют активное сопротивление только в случаях, когда наступление талибов касается ядра их локальных ареалов: так было в июне-июле при

наступлении «Талибана» на Мазари-Шариф, так было в июле-августе — при наступлении на Герат.

Военные события, независимо от их исхода, не должны отвергать понимания существенных причин конфликта. Успешная модернизация общества и государства всегда определяется оптимальным выбором системы государственного управления, политической системы, способной эффективно реализовать интересы всего общества, такой выбор должен быть адекватен геополитическим, экономическим, социокультурным, природным и иным условиям конкретной территории. Для Афганистана, чрезвычайно фрагментированного по множеству критериев и никогда не бывшего в своей истории по настоящему централизованным государством, оптимальным механизмом осуществления государственной политики является традиционная система местного управления и самоуправления, соответствующая сложившимся традициям решения наиболее важных вопросов. Понятно, что необходимы и поиски компромиссных путей конвергенции традиционалистских племенных структур и этнических общин с учреждаемой «сверху» системой централизованной президентской власти в Кабуле.

Речь идет о стремлении части одного из этносов (пуштунского) к доминированию во всех сферах жизни и нивелировке других этнических и религиозных групп. То есть, мы имеем дело с феноменом «имперскости» как внутреннему состоянию доминирующей де-факто (зачастую и де-юре) части общества, условно именуемой титульным или государствообразующим этносом. Но принципиальное отличие Афганистана от других прецедентов осуществления этого феномена состоит еще и в наличии традиции корпоративного межплеменного управления территорией: среди пуштунов почти всегда (за небольшим исключением) важную роль играли такие институты, как советы вождей и старейшин — джирги, а в ситуации войны — лашкары, или танзимы, локальные ополчения. «...Племенное ополчение всегда сохраняет значительную автономность и является лишь временным союзником той или иной армии — органа государственной власти»

[Катков 1989: 44]. Система связей между государством и пуштунскими племенами, существовавшая при монархическом режиме и президенте Дауде, была к 1990-м гг. полностью разрушена. С падением правительства Наджибуллы и приходом к власти президента-таджика Бурханутдина Раббани, множество пуштунских вождей и местных полевых командиров предпочли полную самостоятельность в пределах своего племени или уезда борьбе за единое афганское государство. В этом смысле, многие пуштунские племена вроде бы солидаризировались с национальными меньшинствами в борьбе за интересы локальные в противовес интересам общегосударственным. Страна продолжала оставаться устроенной по принципу танзимов. Тем не менее, в начале 1990-х гг. «Талибану» удалось объединить значительную часть пуштунского населения под идеологией пуштунского ренессанса, дополненного религиозной и антимодернистской мотивацией. Общие же выводы из анализа всего периода западного военного присутствия в Афганистане состоят в том, что «Талибан» — не просто привнесенное извне террористическое движение, поддержка, оказываемая талибам на значительной части территории страны и неспособность войск западной коалиции подавить это движение на протяжении 20 лет — тому подтверждением. Подтверждается это и успехами 2021 г., что только подчеркивает необходимость отказа от военного решения вопроса о власти и характере государственного устройства страны и перехода сторон к сложному, но единственно возможному, пути поиска компромиссов.

Военное и переговорное, внешние акторы афганской ситуации

К 2021 г. военно-политический процесс в Афганистане уверенно дифференцировался на две составляющие. В значительной степени этому способствовали внешние инициативы — со стороны, прежде всего, США и России, и при участии с разной степенью активности со стороны Китая, Турции, Узбекистана. К осени 2020 г. стала понятна и первичная формула движения к афганскому урегулированию. Была сформулирована необходимость достижения соглашения о формировании переходного коалиционного прави-

тельства с участием представителей действующего кабульского правительства, «Талибана» и этнополитических партий. Включение в эту формулу представительства этнических групп можно считать в значительной степени заслугой и российской инициативы в рамках первого межафганского диалога, состоявшегося в феврале 2019 г. в Москве.

Развитие событий в апреле-июне 2021 года отвлекло внимание от других американских инициатив по афганскому вопросу, проявленных в начале 2021 г., и имеющих важное значение для понимания американской политики в Афганистане и регионе. В феврале в Кабуле прошла конференция «Борьба с терроризмом и расширение регионального сотрудничества для устранения угроз терроризма», в которой, кроме хозяев, приняли участие руководители спецслужб Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, Пакистана, Азербайджана и США. Официально заявлялось, что обсуждались «вопросы совместной борьбы с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом оружия и наркотиков». Однако рассматривать это событие необходимо в рамках общей американской стратегии формирования региона Центральной Азии с включением в него Афганистана. Можно говорить о появлении нового формата сотрудничества Центральной Азии и США в сфере безопасности, где ключевая роль отводится Кабулу и это может стать важным дополнением к дипломатическому формату C5+1, объединяющему министров иностранных дел пяти стран Центральной Азии и США, причем в такой деликатной, закрытой сфере как деятельность спецслужб и сфера безопасности в целом.

23 апреля 2021 г. прошла очередная встреча министров иностранных дел стран Центральной Азии и США в формате «C5+1». Обращает на себя внимание, что почти все пункты повестки так или иначе связаны с Афганистаном. Это отражает стратегическую линию США на интеграцию между Афганистаном и странами Центральной Азии. В течение апреля 2021 г. со стороны США настойчиво внедряется в информационное пространство тезис о необходимости сохранения американского военного присутствия в регионе на фоне начавшегося вывода

войск США из Афганистана. Эта информационная кампания складывается из таких тезисов:

- после ухода войск США и НАТО в Афганистане резко усилится конфликтность (вариант: придет к власти «Талибан»);

- конфликтность в Афганистане обязательно будет дестабилизировать окружающие страны (вариант: талибы начнут экспансию в соседние страны);

- войска США — единственный фактор стабилизации в Афганистане и регионе;

- для сохранения стабильности в странах региона необходимо сохранение — в том или ином формате — американского военного присутствия.

В начале мая 2021 г. командующий Корпусом специальных операций правительственной армии (ANASOC) генерал-лейтенант Мохаммад Фарид Ахмади предложил странам-соседям Афганистана объединить практические усилия в борьбе с терроризмом созданием общей (международной) базы сил специального назначения. Автором этого проекта является специальный представитель президента США З. Халилзад, который также обсуждал ее в ходе визитов в Душанбе, Ташкент и Нур-Султан в мае 2021 г.

В целом стратегия США для Афганистана и региона может оцениваться как многовариантная: при реализации любого из сценариев, Афганистан остается территорией с сохраняющейся высокой конфликтностью, для управления которой со стороны США создано множество механизмов, сохраняются и возможности для непосредственного вмешательства США — как военного, так и политического характера. Параллельной задачей американской политики по Афганистану является дальнейшее вовлечение стран Центральной Азии в афганский процесс и формирование общерегионального конфликтного пространства.

12 мая 2021 г. в городе Сиань по китайской инициативе прошла встреча министров иностранных дел КНР, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Основной темой встречи была безопасность, в том числе Китай намерен активизировать сотрудничество в области безопасности со странами Центральной Азии на

фоне опасений по поводу возможного роста террористической активности в Афганистане. В Пекине опасаются, что это может создать угрозу его инфраструктурным проектам в рамках инициативы «Один пояс — один путь». Итогом встречи было заявление декларативного общеполитического характера. В ходе визитов в Ашхабад, Душанбе и Ташкент в июле китайский министр иностранных дел Ван И пообещал Туркменистану и затем Таджикистану «традиционное и нетрадиционное» сотрудничество в сфере безопасности для защиты государственной безопасности. Под «нетрадиционным сотрудничеством» скорее всего можно предполагать предстоящее появление и использование на территории стран Центральной Азии частных военных компаний (ЧВК) как способа защиты КНР своих экономических интересов. Для КНР стабилизация в регионе важна не только с точки зрения безопасности уже действующего китайско-пакистанского экономического коридора, что прямо связано с ситуацией в Афганистане, но и для реализации других китайских экономических (в том числе транспортно-коммуникационных) проектов в регионе Центральной Азии и Среднего Востока. В отличие от США и европейских стран, России и Ирана, китайская сторона не акцентирует внимание на требовании создания правительства в Кабуле с эпитетами «коалиционное» или «инклюзивное», и уж тем более «переходное». В Пекине предпочитают говорить о «стабильном» правительстве, а «Талибан» рассматривается как основной фактор стабильности в стране. Совершенно понятно, что стабильность — получается так, что любой ценой — необходима для реализации глобальных китайских экономических проектов. На этом фоне косвенно начинает выглядеть и более убедительной конспирологическая версия многих афганских экспертов о том, что и за самим «триумфальным шествием» талибов элементарно стояли китайские финансовые предпочтения.

Реагирование на ситуацию в Афганистане в странах Центральной Азии

Отдельным сюжетом весны-лета 2021 г. необходимо рассматривать реагирование в

самих странах региона на обострение военно-политической ситуации в Афганистане. Анализ политики каждого из государств региона, а также их взаимоотношений в этом аспекте с внешними акторами, является дополнительным свидетельством того, что даже эта ситуация, воспринимаемая как угроза безопасности региона, не стала причиной или даже поводом для какой-либо внутререгиональной координации (не говоря уже об интеграции или хотя бы сотрудничестве).

Казахстан и Киргизия в этом контексте могут быть объединены в одну группу государств Центральной Азии, фактически не прореагировавших на активизацию военного конфликта в Афганистане. РК и КР подтвердили свои обязательства в рамках ОДКБ, а также проявили небольшую дипломатическую активность на двустороннем уровне — с Россией, а также КНР, а в основном формально присоединяясь к общим декларациям в рамках ОДКБ и ШОС.

Казахстан, Узбекистан и Таджикистан оказались объединены двумя американскими инициативами: предложением о размещении в этих странах военных объектов США, выводимых из Афганистана, и предложением о размещении в РК, РУз и РТ афганских граждан, сотрудничавших с США в Афганистане и опасавшихся преследований со стороны талибов.

Публичную официальную реакцию по поводу просьбы о размещении американских военных объектов продемонстрировал только Ташкент: в заявлении министерства обороны РУз говорилось, что Узбекистан проводит политику неучастия вооруженных сил страны в миротворческих операциях и военных конфликтах за рубежом, что прописано в основополагающих документах, в том числе Конституции, а оборонная доктрина не предусматривает размещение иностранных военных баз и объектов на территории страны.¹ Казахстан и Таджикистан на официальном уровне эту ситуацию никак не прокомментировали.

Сходная ситуация произошла и в вопросе с афганскими гражданами, сотрудничавшими с США, но в этом случае ни одна из

стран региона вообще официально никак не обозначила своих позиций.

Подобное реагирование частично можно объяснить изменившимся отношением к американской политике в ее афганской части. В политических элитах и в обществах стран Центральной Азии достаточно массово утвердилось мнение о том, что в формировании угроз региону с афганского направления виноваты именно США, спровоцировавшие обострение ситуации в Афганистане.

Позиции Узбекистана и Туркмении в рассматриваемой ситуации объединяет как усиление мер военной/пограничной безопасности, так и параллельные контакты с обеими сторонами афганского конфликта: с правительством Афганистана и с движением «Талибан». 10 апреля 2021 г. министр иностранных дел РУз А. Камиллов встречался с главой политического офиса «Талибана» Абдул Гани Барадаром, а уже 22 июня 2021 г. Узбекистан закрыл границу с ИРА, объяснив это «ухудшением эпидемиологической ситуации в соседней стране». 24 июня МИД РУз выступил с заявлением: «Настоятельно призываем все вовлеченные в конфликт стороны воздержаться от применения силы и к недопущению жертв среди гражданского населения». Попытки афганских военнослужащих переходить на территорию Узбекистана узбекская сторона прекратила, сразу же возвратив первую группу таких военнослужащих на афганскую территорию. 24 июня начались учения по приведению войск в боевую готовность, проверки в военных округах.

Общую позицию Узбекистана по отношению к собственно конфликту в Афганистане в те же дни сформулировал министр иностранных дел РУз: «Во-первых, мы должны понять, что у афганского кризиса нет военного решения. Во-вторых, крайне важно, чтобы Афганистан стал неотъемлемой частью региона Центральной Азии. В-третьих, у мирного процесса в Афганистане должно быть единое региональное и международное решение. ... Узбекистан стал первой страной, установившей прямые контакты с лидерами талибов. ...мы считаем, что этот

¹ Минобороны Узбекистана прокомментировало публикацию WSJ о вероятности размещения войск США.

ТАСС, 10 мая 2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11334515> (дата обращения 10.08.2021).

вопрос должен решаться на основе взаимного компромисса между нынешней властью и военной оппозицией — Талибаном и другими».¹

Поведение Ашхабада отличается от линии Ташкента меньшей причастностью к собственно урегулированию в Афганистане, и большей направленностью на свои конкретные интересы. 6 февраля 2021 г. в МИД Туркмении прошла встреча представителей туркменского МИД во главе с Рашидом Мередовым с делегацией движения «Талибан», которую возглавил Абдул Гани Барадар. Стороны обсудили совместные афганско-туркменские проекты — газопровод ТАПИ, линии высоковольтной электропередачи и оптико-волоконной связи и железные дороги между двумя странами. Делегация «Талибана» выразила «полную поддержку» этим проектам. Говоря о ТАПИ, представитель талибов заявил: «Как Исламский Эмират Афганистан, мы заявляем о полной поддержке реализации и обеспечения безопасности проекта ТАПИ и других инфраструктурных проектов в нашей стране». В июне 2021 г. была проведена большая компания по подготовке к мобилизации резервистов. В начале июля на специальном заседании Государственного совета безопасности обсуждались вопросы усиления режима границы, который на практике был усилен, в частности, на участке Марыйского велаята. 10 июля в Ашхабад прибыла делегация «Талибана», делегацию талибов возглавлял один из руководителей политического офиса движения Шер Мохаммад Аббас Станикзай. На прошедших переговорах туркменскую сторону представлял заместитель министра иностранных дел Вепа Хаджиев. Речь шла в основном о ненападении, стабилизации на границе и блокировании возможного потока беженцев. В очередной раз обсуждался также вопрос строительства газопровода ТАПИ.

Принципиально другую позицию занимал Таджикистан. Естественно, что боевые действия в непосредственной близости от границы потребовали от силовых структур Таджикистана усиления режима безопасности в приграничных районах и принятия мер по усилению охраны государственной границы. На различных участках границы происходил переход афганских правительственных военнослужащих на территорию РТ, общая численность таких военнослужащих составляет более 2,5 тысяч человек, они были допущены на территорию РТ и значительно позже большинство из них были переправлены на подконтрольную правительству территорию Афганистана. Президентом Э. Рахмоном было принято решение о мобилизации 20 тысяч военнослужащих резерва, руководство РТ обратилось в ОДКБ с просьбой о помощи в охране границы с Афганистаном.² Необходимо отметить, что в отличие от имеющих границу с Афганистаном Узбекистана и Туркмении, Таджикистан в этой ситуации основную активность проявлял исключительно в военной сфере. При этом руководство РТ в политическом плане заняло позицию однозначной поддержки правительству Ашрафа Гани, игнорируя необходимость диалога со всеми сторонами во внутриафганском конфликте. «Талибан» де-факто давно признан как политическое движение, которое необходимо включать в политический процесс, но в Таджикистане это обстоятельство игнорируется. Уже в июле 2021 г. министр иностранных дел РТ С. Мухриддин сделал официальное заявление по Афганистану, в котором он утверждает, что Таджикистан всегда поддерживал только официальное правительство ИРА и не проводил никаких переговоров с боевиками движения «Талибан».³

Такое поведение руководства РТ способствует ненужной конфронтации и созданию

¹ Абдулазиз Камиллов — о том, чего хочет «Талибан». «Газета.uz», 26 июня 2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/06/26/taliban/> (дата обращения 10.08.2021).

² Министр иностранных дел России С.В. Лавров в эти дни сделал заявление о готовности использовать возможности размещенной в Таджикистане российской 201-й военной базы в случае необходимости.

³ Таджикистан не будет вести переговоры с Талибаном — Сироджиддин Мухриддин. NOVOSTI.TJ. 27 июля 2021. URL: <https://novosti.tj/ca/tadzhikistan-ne-budet-vesti-peregovory-talibanom-sirodzhiddin-muhriddin.html> (дата обращения 10.08.2021).

атмосферы паники в обществе. Следуя своей прежней тактике, руководство РТ использует ситуацию для усиления в общественном сознании образа внешнего врага. Эффективно используется и тот факт, что в Таджикистане сильны антиталибские настроения, основанные на этнической солидарности с афганскими таджиками. Еще одно направление официальной пропаганды основывается на утверждениях о чрезвычайно высокой вероятности экспансии с афганской территории боевиков ИГИЛ (ДАИШ)¹, салафитских и прочих радикальных групп.

7 июля 2021 г. по инициативе Ашхабада и при участии Регионального центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии прошла видеоконференция, в которой приняли участие представители МИД Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, спецпредставитель президента Казахстана по Афганистану, глава Регионального центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии и заместитель спецпредставителя Генерального секретаря ООН по политическим вопросам по Афганистану в Миссии ООН по содействию Афганистану (МООНСА). Участники выразили озабоченность ситуацией. Эту видеоконференцию с общедекларативным результатом нужно считать почти единственным проявлением общерегионального характера, в остальном налицо полная разрозненность и политика каждой страны выстраивалась в соответствии с собственным эгоистическим представлением. Подобное же содержание имела и т.н. «3-я консультативная встреча глав государств Центральной Азии», прошедшая 6 августа в г. Туркменбаши (Красноводск).

Помимо выводов, сделанных выше, рассматриваемая ситуация показала важное специфическое обстоятельство, имеющее долговременный характер. На фоне определенного разочарования в сфере безопасности в политике США и относительной пассивности КНР, ярко проявилась зависимость стран региона в этой сфере от России. Помимо прямой военной помощи Таджикистану и гарантий обеспечения безопасности силами ОДКБ, ситуация подтвердила и готовность России выполнить свои обязательства в

сфере безопасности в отношении Узбекистана на основании договора о союзнических отношениях между РФ и РУз 2006 г. Уже в конце мая и на протяжении июня 2021 г. российские военные инструкторы участвовали в подготовке пограничных войск и воинских частей Узбекистана в приграничной с ИРА Сурхандарьинской области и в других военных округах. Ранее, 28 апреля 2021 г., министры обороны РФ С. Шойгу и РУз Б. Курбанов подписали Программу стратегического партнерства в военной области на 2021-2025 гг., предусматривающую в том числе поставки в Узбекистан новой военной техники и вооружений. Несмотря на то, это Узбекистан давно вышел из состава ОДКБ и доктринально закрепил «многовекторность» собственного военного сотрудничества, в военно-техническом сотрудничестве с ним с российской стороны действует тот же льготный режим, что и для стран-членов ОДКБ.

Консультации по линии спецслужб и министерств обороны РФ с соответствующими структурами всех стран региона, включая Туркмению, неоднократно проходили, начиная с апреля 2021 г. В августе и сентябре 2021 г. в районе стыка границ РТ, РУз и Афганистана с участием вооруженных сил России, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана прошли масштабные военные учения, основной легендой учений было противодействие потенциальной угрозе со стороны Афганистана. Другими словами, в ситуации угроз безопасности Россия — несмотря на разные политико-правовой уровень отношений со странами Центральной Азии — остается единственным реальным гарантом. Эта ситуация в политическом аспекте способствует серьезному росту авторитета и влияния как собственно России, так и ОДКБ.

Содержание угроз, исходящих из-за военного обострения в Афганистане, трактуется в странах Центральной Азии в двух аспектах. Один из них — приход к власти в Афганистане и установление режима «Талибана» на всей территории страны. Второй — активизация террористических групп выходцев из стран Центральной Азии, России, Китая, находящихся на территории Афганистана. В связи с этим можно выделить также

¹ Организация запрещена в РФ.

высокий уровень пропагандистской работы и активности в СМИ, многократно усиливающих, гипертрофирующих масштабы вероятных угроз. Это традиционное для стран региона воздействие на общественное сознание, ставящее целью консолидацию общества вокруг государства, снижение актуальности внутристрановых протестных настроений и вообще внутристрановых проблем на фоне образа внешней угрозы.

Независимо от вероятности монопольного прихода к власти в Афганистане «Талибана», главным вопросом, который будет стоять перед этим движением в любой обозримой перспективе, станет воссоздание и укрепление собственного национального (в форме коалиционного взаимодействия с другими афганскими политическими силами, или в виде декларируемого исламского эмирата в случае захвата Кабула) государства. Невозможно представить, что у «Талибана» будет время на реализацию каких-либо агрессивных внешнеполитических амбиций. Отказ от формирования действительно коалиционного правительства повлечет за собой достаточно мощное сопротивление со стороны сторонников светской государственности, и особенно непугунских этнополитических сил. Из списка вероятных проблем для любого состава правительства важными будут оставаться противоречия внутри различных фракций «Талибана» и работа по консолидации самого движения, преодоления его фрагментации. Создание монопольного правительства талибами повлечет и достаточно сильную международную изоляцию, исключением из которой могут быть Китай, арабские страны, Пакистан и, не исключено, Узбекистан и Туркмения. Тем не менее, в любом случае талибы будут полностью заняты решением внутренних задач, отдельно можно рассматривать и проблему консолидации самого «Талибана», реинтеграции различных группировок талибов в жизнь страны. Задача установления конструктивных отношений со странами-соседями будет для «Талибана» вообще первоочередной. Косвенные признаки такой стратегии «Талибана» можно уже увидеть — уча-

стие в переговорах в Тегеране и в Москве, визит в Ашхабад, контакты с руководством Узбекистана и Китая.

Характеристика экстремистско-террористических угроз неталибского происхождения

Безусловно важным нужно считать присутствие на территории Афганистана иностранных террористических групп. На этот счет существует распоряжение Военной комиссии «Талибана», которое запрещает всем членам движения принимать в свои ряды иностранных граждан и предоставлять им убежище. До сих пор это распоряжение носило пропагандистский характер, участие в любой форме во власти должно, вероятно, заставить элиту «Талибана» в определенной мере выполнять это условие.

Тем не менее, для стран Центральной Азии и России происходящее в Афганистане имеет значение с точки зрения перспектив всего последующего развития этой страны. Не возникнет ли ситуация, при которой афганская территория будет использована же международными террористическими формированиями, как это мы видели на примере Сирии и Ирака. Сам по себе «Талибан» нацелен на задачи внутристранового характера, но тенденция к интеграции с международными террористическими структурами уже намечалась в 2000-2001 гг., поэтому ситуация требует к себе внимания. Эта ситуация осложняется и общей хаотизацией в стране, в этих условиях различные террористические группировки получают большую свободу действий. Однако, по оценке МИД России, потенциал уже присутствующих в Афганистане группировок нефганского происхождения, включая и выходцев из стран региона, России и других стран, таков, что они спо-

собны лишь на локальные теракты, диверсии, мятежи, не более того.¹ МИД РФ оценивает потенциал «Аль-Кайды»² в 500 боевиков,³ узбекистанские эксперты оценивают численность ИДУ в 300 боевиков,⁴ к тому же лишенных харизматических лидеров.⁵ Масштаб этой опасности уже традиционно, не первое десятилетие, сильно преувеличен. Существующее террористическое подполье в странах региона безусловно связано с единомышленниками на сопредельной афганской территории. Это подполье может быть спровоцировано на какие-то террористические действия в РТ и без прямой связи с Афганистаном. Но основные из традиционных угроз безопасности — террористическая и экстремистская активность в том числе — для стран Центральной Азии давно имеют уже преимущественно внутреннее происхождение. Многолетняя деятельность зарубежных эмиссаров, отсутствие адекватной и системной работы государственных институтов в религиозной сфере, хроническая нерешенность множества проблем социального и экономического характера, деформация массового образования — это лишь короткий список обстоятельств, присутствующих во всех без исключения странах региона.

К настоящему времени факторы роста рассматриваемых угроз несколько изменились по сравнению с предыдущими десятилетиями — к примеру, во всех странах региона выросло целое поколение собственных адептов радикальной среды, делаая существующее экстремистское подполье довольно самостоятельным, не требующим какой-то особой активации извне. Если на протяжении 1990-2000-х годов можно было уверенно говорить о масштабной проповеднической деятельности религиозных радикалов из араб-

ских стран, Турции, Пакистана, которой избежал, пожалуй, только Узбекистан, то сегодня в Центральной Азии преобладают уже свои лидеры радикализма, опирающиеся в основном на внутренние ресурсы и связанные с соответствующей внешней средой скорее лишь идеологически.

Все это не означает, конечно, отсутствия внешней составляющей в потенциале рассматриваемых угроз, заинтересованные внешние акторы включают внутристрановые подполья в свои сети, сохраняя на них серьезное влияние. Происходящую на протяжении ряда лет вербовку граждан стран Центральной Азии в террористические структуры, действующие в Сирии и Ираке, можно, вероятно, считать масштабной репетицией распространения этого влияния. И нет абсолютно никаких оснований исключать возникновение проектов, подобных ИГИЛ, в других странах и регионах. К слову, уже очевидной становится трансформация ИГИЛ из некоего подобия государственной структуры с четко очерчиваемыми географическими границами в сетевую модель типа прежде известной «Аль-Кайды». Эта модель подразумевает отсутствие четкой географической привязки и деятельность точечного характера по всему миру. Конечно, и Центральная Азия с ее готовыми подпольными структурами в этой модели занимает свое далеко не последнее место. Навязываемая странам региона их западными партнерами практика возвращения членов семей боевиков из стран Ближнего Востока в страны их гражданства, в которой особенно преуспели Узбекистан (операция «Мехр») и Казахстан (операция «Жусан»), эта практика серьезно усиливает внутреннее радикальное подполье в каждой стране. Этим людей называют «жертвами обстоятельств», не принимая во внимание того

¹ «Сила талибов — в слабости нынешнего афганского режима» // Известия, 24 мая 2021 года. URL: <https://iz.ru/1167367/natalia-portiakova/sila-talibov-v-slabosti-nyneshnego-afganskogo-rezhima> (дата обращения 10 августа 2021 года).

² Организация запрещена в РФ.

³ Кабулов назвал домыслами слухи о сотрудничестве «Аль-Кайды» и «Талибана». ТАСС. 3 августа 2021. URL: <https://tass.ru/politika/12047727> (дата обращения 10/08/2021).

⁴ Эксперт: Самая большая угроза в Узбекистане — рост радикализации молодежи. 12 июня 2021 года.

Центр изучения региональных угроз. Ташкент. URL: <https://crss.uz/2021/06/12/ekspert-camaya-bolshaya-ugroza-v-uzbekistane-rost-radikalizacii-molodezhi/> (дата обращения 10.08.2021).

⁵ В Афганистане ликвидирован лидер «Исламского движения Узбекистана». Информационное агентство Eurasia Daily (EADaily). 12 ноября 2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/11/12/v-afganistane-likvidirovan-lider-islamskogo-dvizheniya-uzbekistana> (дата обращения 10.08.2021).

факта, что не менее половины из них — это подготовленные вербовщики или же просто будущие участники подпольных ячеек в своих странах. Об этом уверенно свидетельствуют исследования, проведенные в ряде других стран, и вряд ли есть основания думать, что в странах Центральной Азии будет как-то по-другому.¹

Серьезную коррективу во все происходящее внесли и ограничения 2020-го г., связанные с пандемией, создав новую и очень тревожную тенденцию: с закрытием границ в условиях пандемии и не имея возможности выехать в страны Ближнего Востока, в меньшей мере — в Афганистан, радикальное подполье способно предпринять попытки организации террористических актов в местах постоянного проживания — в странах Центральной Азии и в среде трудовых мигрантов в России. В свое время Узбекистан долго был единственной страной в регионе, где кадры духовенства готовились дома, и избегал проникновения в страну радикальных эмиссаров извне. Сейчас же, в условиях относительной либерализации политического режима, в Узбекистане отмечается существенное укрепление позиций радикального ислама, имеющего в основном внутреннее происхождение и стремительно налаживающего свои внешние связи.²

Заключение

Многоаспектный афганский конфликт, безусловно, был и остается важным фактором в сфере угроз безопасности Центральной

Азии, хотя классификация этих угроз перманентно эволюционирует. Актуальными для Центральной Азии остаются угроза трансфера наркотиков и дислокация на афганской территории неафганских по своему происхождению экстремистских и террористических групп. Проблема наркотрафика прямо связана с состоянием государства как института, с его низкой функциональностью, эта проблема может быть разрешена только в увязке с мирным урегулированием в стране, созданием дееспособных государственных структур и снижением коррупционности в них. Движение «Талибан», независимо от его дальнейшего состояния, само по себе не является фактором региональных угроз, оно имеет внутриафганский характер, ограничивается территорией ИРА, заинтересовано в позитивных отношениях с соседними странами. Деятельность террористических группировок неафганского происхождения не носит большого масштаба, локальна, эпизодична, и их присутствие в ИРА связано только с перманентно конфликтным состоянием государства. Разнообразие политик стран Центральной Азии на обострение военной ситуации в Афганистане свидетельствует об отсутствии скоординированной политики, а значит и условий для регионального сотрудничества в сфере безопасности, а ряд событий рассматриваемого периода подтверждает монополию России как гаранта региональной безопасности Центральной Азии.

¹ Асей-йе Маркази ва чарайан-э эфрат: Айна Талибан тахдэд хесаб мишавад? /Йаддашт-э Александр Князев, коршэнас-э сеяс-э ва устад-э Данешгах-э довлетий-э Санкт-Петербург/ [Центральная Азия и экстремистские течения: является ли «Талибан» угрозой? /Записки Александра Князева, политолога и профессора Санкт-Петербургского государственного университета] // Сайт информационного агентства «Фарс». — Тегеран, 1400 г.х. [2021]. — 4 мордад [26 июля]. URL: <https://www.farsnews.ir/news/14000428000269/%D8%A2%D8%B3%DB%8C%D8%A7%DB%8C-%D9%85%D8%B1%DA%A9%D8%B2%DB%8C-%D9%88-%D8%AC%D8%B1%DB%8C%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D9%81%D8%B1%D8%A7%D8%B7-%D8%A2%DB%8C%D8%A7->

<https://www.farsnews.ir/news/14000428000269/%D8%A2%D8%B3%DB%8C%D8%A7%DB%8C-%D9%85%D8%B1%DA%A9%D8%B2%DB%8C-%D9%88-%D8%AC%D8%B1%DB%8C%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D9%81%D8%B1%D8%A7%D8%B7-%D8%A2%DB%8C%D8%A7-%D8%B7%D8%A7%D9%84%D8%A8%D8%A7%D9%86-%D8%AA%D9%87%D8%AF%DB%8C%D8%AF-%D9%85%D8%AD%D8%B3%D9%88%D8%A8-%D9%85%DB%8C%E2%80%8C%D8%B4%D9%88%D8%AF> (дата обращения: 10.08.2021). На языке фарси.

² Эксперт: Самая большая угроза в Узбекистане — рост радикализации молодежи. 12 июня 2021 года. Центр изучения региональных угроз. Ташкент. URL: <https://crss.uz/2021/06/12/ekspert-camaya-bolshaya-ugroza-v-uzbekistane-rost-radikalizacii-molodezhi/> (дата обращения 10.08.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдуллаев Е.* Ислам и «исламский фактор» в современном Узбекистане // Центральная Азия и Кавказ. — Лулео, 1997. — № 12.
- Абдуллоев Рахматулло.* Этнополитические процессы в Афганистане после 2001 года // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 14. № 1. С. 7-15.
- Акимбеков С.М.* Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. — Алматы, 2003.
- Басов В.В.* Национальное и племенное в Афганистане: к пониманию невоенных истоков афганского кризиса: сборник статей : научное издание / Басов В. В.; под ред. Кравцова В. Б.; Науч.-исследовательский центр Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. — Москва: НИЦ ФСКН России, 2011.
- Босин Ю.В.* Роль религиозно-этнического фактора во внутриафганском конфликте // Афганистан: проблемы войны и мира. — М.: ИИИ и БВ, ИВ РАН, 2000. — С. 70-74.
- Искандаров К.* Национальный фактор в политической жизни современного Афганистана // Известия АН Республики Таджикистан. Серия: экономика и политология. 1996. № 3-4. — С. 115-131.
- Искандаров К.* Наркобизнес в Таджикистане: связь с афганским конфликтом // Центральная Азия и Кавказ. Лулео, 1999. № 5 (6). — С. 178-184.
- Катков И.Е.* Социальные аспекты племенной структуры пуштунов // Афганистан. История, экономика, культура. Сборник статей. — М.: Наука, 1989. — С. 39-57.
- Князев А.А.* К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространения в Центральной Азии. Бишкек: Илим, 2003. 108 с.
- Князев А. А.* Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004.
- Князев А.А.* Криминальные компоненты конфликтных процессов в Центральной Азии // Экономика и политика в современных международных конфликтах. М.: МГИМО (У), 2008. С. 277-287.
- Коргун В.Г.* Ислам и национализм в Афганистане // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. М: Наука, ГРВЛ, 1986. С. 194-221.
- Коргун В.Г.* Афганистан: политика и политики. М.: ИВ РАН, 1999.
- Коргун В.Г.* Афганистан на пороге мирного этапа // Центральная Азия и Кавказ. Лулео, 2002. № 1 (19). — С. 7-15.
- Коргун В.Г.* История Афганистана. XX век / В. Г. Коргун. — М.: Ин-т востоковедения: Крафт+, 2004.
- Пластун В.Н.* Эволюция деятельности экстремистских организаций в странах Востока. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- Сикоев Р.Р.* Талибы (религиозно-политический портрет). Ин-т Востоковедения РАН; М.: Крафт+, 2004.
- Слинкин М.Ф.* Афганистан: страна, люди, общество. Симферополь, 1995.
- Спольников В.Н.* Афганистан. Исламская оппозиция. Истоки и цели. М.: Наука, 1990.

REFERENCES

- Abdullaev E.* Islam i «islamskij faktor» v sovremennom Uzbekistane // Central'naya Aziya i Kavkaz. — Luleo, 1997. — № 12.
- Abdulloev Rahmatullo.* Etnopoliticheskie processy v Afganistane posle 2001 goda // Central'naya Aziya i Kavkaz. 2013. T. 14. № 1. S. 7-15.
- Akimbekov S.M.* Afganskij uzel i problemy bezopasnosti Central'noj Azii. — Almaty, 2003.
- Basov V.V.* Nacional'noe i plemennoe v Afganistane: k ponimaniyu nevoennyh istokov afganskogo krizisa: sbornik statej : nauchnoe izdanie / Basov V. V.; pod red. Kravcova V. B.; Nauch.-issledovatel'skij centr Federal'noj sluzhby Rossijskoj Federacii po kontrolyu za oborotom narkotikov. — Moskva: NIC FSKN Rossii, 2011.
- Bosin YU.V.* Rol' religiozno-etnicheskogo faktora vo vnutriafganskom konflikte // Afga-nistan: problema vojny i mira. — M.: III i BV, IV RAN, 2000. — S. 70-74.

- Iskandarov K.* Nacional'nyj faktor v politicheskoj zhizni sovremennogo Afganistana/ *Izvestiya AN Respubliki Tadjikistan*. Seriya: ekonomika i politologiya. 1996. № 3-4. — S. 115- 131.
- Iskandarov K.* Narkobiznes v Tadjikistane: svyaz' s afganskim konfliktom// *Central'naya Aziya i Kavkaz*. Luleo, 1999. № 5 (6). — S. 178-184.
- Katkov I.E.* Social'nye aspekty plemennoj struktury pushtunov// *Afganistan. Istoriya, ekonomika, kul'tura*. Sbornik statej. — M.: Nauka, 1989. — S. 39-57.
- Knyazev A.A.* K istorii i sovremennomu sostoyaniyu proizvodstva narkotikov v Afganistane i ih rasprostraneniya v Central'noj Azii. Bishkek: Ilim, 2003. 108 s.
- Knyazev A. A.* Afganskij krizis i bezopasnost' Central'noj Azii (XIX — nachalo XXI v.). — Dushanbe: Donish, 2004.
- Knyazev A.A.* Kriminal'nye komponenty konfliktnyh processov v Central'noj Azii // *Ekonomika i politika v sovremennyh mezhdunarodnyh konfliktah*. M.: MGIMO (U), 2008. S. 277-287.
- Korgun V.G.* Islam i nacionalizm v Afganistane // *Islam i problemy nacionalizma v stranah Blizhnego i Srednego Vostoka*. M: Nauka, GRVL, 1986. S. 194-221.
- Korgun V.G.* Afganistan: politika i politiki. M.: IV RAN, 1999.
- Korgun V.G.* Afganistan na poroge mirnogo etapa// *Central'naya Aziya i Kavkaz*. Luleo, 2002. № 1 (19). — S. 7- 15.
- Korgun, V.G.* Istoriya Afganistana. XX vek / V. G. Korgun. — M.: In-t vostokovedeniya: Kraft+, 2004.
- Plastun V. N.* Evolyuciya deyatel'nosti ekstremistskih organizacij v stranah Vostoka. No-vosibirsk: Sibirskij hronograf, 2002.
- Sikoev R.R.* Taliby (religiozno-politicheskij portret). In-t Vostokovedeniya RAN; M.: Kraft+, 2004.
- Slinkin M.F.* Afganistan: strana, lyudi, obshchestvo. Simferopol', 1995.
- Spol'nikov V.N.* Afganistan. Islamskaya oppoziciya. Istoki i celi. M.: Nauka, 1990.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александр Алексеевич Князев, доктор исторических наук, профессор, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mai: alexander.a.knyazev@gmail.com

Alexander Al. Knyazev, Doctor of History, Professor, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University. E-mai: alexander.a.knyazev@gmail.com